

**АНТРОПОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ
В ДИАХРОННО-СИНХРОНИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ**

В. Б. Окороков – д. филос. н., проф.,
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
(г. Днепропетровск, Украина)

E-mail:okorokov.victor@mail.ru

Анализируются проблемы антропологии времени в сложном многообразии её выражения в диахронно-синхроническом и пространственно-временном измерениях в свете современных представлений о сознании и психике человека, физическом и антропологическом пространстве и времени. Для осмысления сущности человека в измененных состояниях сознания применяется гипотеза, использующая реконструированные учения Ф. де Соссюра, М. Бахтина и К. Леви-Строса.

Ключевые слова: человек, диахрония, синхрония, пространство, время, логика, миф, сознание, психика.

**THE ANTHROPOLOGY OF TIME
IN THE DIACHRONIC-SYNCHRONIC MEASUREMENTS**

VIKTOR OKOROKOV – Doctor of Philosophy, Professor,
Oles Honchar's Dnepropetrovsk National University
(Dnepropetrovsk, Ukraine)

Problems of anthropology of time in all difficult variety of its expression in diachronic-synchronic and spatial-time measurements in the light of modern representations about consciousness and mentality of the man, physical and anthropological space and time are analyzed. For explanation of essence of the man in the changed conditions of consciousness the hypothesis (using reconstructed doctrines F. Seassure, M. Bakhtin and K. Levi-Stros) is used.

Keywords: the man, diachronic, synchronism, space, time, logic, a myth, consciousness, mentality.

В статье «Мышление в диахронно-синхроническом и пространственно-временном топосах (гипотеза Соссюра–Хайдеггера–Леви-Строса)» [Окороков, 2013] мы уже описали антропологическое измерение, в котором царит логика мифа. В этой же статье были раскрыты особенности современного истолкования учения о хронотопе М. Бахтина [Бахтин, 2012]; точнее говоря, если реконструировать его концепцию в контексте неклассических антропологических представлений Ф. де Соссюра [Соссюр, 1998], М. Хайдеггера [Хайдеггер, 2006а; Хайдеггер, 2006b; Хайдеггер, 2007], В.Я. Проппа [Пропп, 1946], М. Мамардашвили [Мамардашвили, 1996], К. Леви-Строса [Леви-Строс, 1985; Леви-Строс, 2000; Леви-Строс, 2006; Леви-Строс, 2007а; Леви-Строс, 2007b; Леви-Строс, 2007с], Ж. Лакана [Лакан, 2002], Ж. Делёза [Делёз, 1998], А. Бадью

[Бадью, 1999; Бадью, 2003; Бадью, 2006] и др., то, с одной стороны, логика мифа может быть использована для описания структуры языка, сознания, бессознательного и общества, а с другой – могут быть получены интересные результаты для исследования особенностей маргинального бытия человека. Для описания этих особенностей была введена гипотеза Соссюра–Хайдеггера–Леви-Строса. Однако с учётом раннеструктуралистских техник М. Бахтина, использованных для анализа межтекстуального пространства, которое Ю. Кристева в дальнейшем назвала интертекстуальным, можно утверждать, что предложенная гипотеза более точно может быть названа гипотезой Соссюра–Бахтина–Хайдеггера–Леви-Строса.

Если в таком же духе попытаться реконструировать структуралистские техники К. Леви-Строса, то предложенную гипотезу можно наполнить новыми материалами и получить некоторые частные результаты её применения.

Главное во всех этих исследованиях состоит в том, что во всех антропологических преобразованиях мы не должны забывать о необходимости привязки естества человека к месту (топосу) во всех возможных преобразованиях его состояний и сущности, то есть ситуационность его бытия.

Современные физики, привычным взором осматривая событийность Космоса и опираясь на гипотезу о красном смещении, уверены, что расстояние до объектов в Космосе характеризует и хронологический возраст этих объектов. Физическое время, вследствие константности скорости света в видимом физическом измерении, жёстко регламентирует бытие Космоса, его стекаемость (и историю) в конкретно выбранную точку. Пространство здесь регламентирует время в том конкретном топосе, который нормирован присутствием наблюдателя. Время как бы равномерно растекается по пространству (и стекается в точку его наблюдения). В таком случае, не можем ли мы предположить, что нечто похожее происходит и с сознанием самого человека-наблюдателя (способного варьировать системы отсчета). Мир стекается в него в пространственно-временной форме; и в том измерении, где в сознании всё размечено в форме пространственно-временного топоса, там всё раскрывается в виде логоса (логики событий и жёстких причинно-следственных связей). Пространственно-временная артикуляция мышления приводит к жёсткой понятийной (логосной) разметке всего пространства мышления. В таком виде мышление и раскрывается как разум, жёстко регламентирующий бытие мира в пространственно-временном измерении. Мы говорим о том, что в пространственно-подобном мире сознания все события жёстко детерминированы, и нарушить проявляющуюся здесь логику разума (аристотелеву формальную или пространственную логику) не может ни одна дисциплинарная практика.

Однако эта логика нарушается во времени-подобном мире сознания, в котором уже не работают причинно-следственные связи, не прослеживаются логосно-размеченные и природные законы. Проанализировав временные пути становления текстов (романов), или стекания их к моменту настоящего (с учётом уже прошедшей истории становления литературы), М. Бахтин одним из первых заметил временные нарушения логики (хронотопы) в сюжетной линии романов. Но романы пишутся в соответствии с тем, что происходит в мышлении их автора при написании (то есть в разворачивании настоящего). Таким образом, мы должны наблюдать в новом измерении какую-то иную логику. Приближенный сценарий развития такой логики также отследил и К. Леви-Строс. Он назвал её логикой мифа и нашёл в ней определённые структурные закономерности. Словом, он заострил наше внимание на том, что в сознании,

связанном с мифами (и, по аналогии, в патологическом сознании, как утверждают современные психотерапевты), осуществляются принципиально иные процессы, нежели в сознании, размеченном разумом и подчинённом законам логики. Логика разума – это единственно-возможный способ разворачивания логосного мышления. Логика мифа, как и логика шизофреника и экстрасенса, нарушает привычный ход мысли. Здесь мы видим, как она ведёт нас в какое-то другое измерение сознания.

В нашей первой статье [Окороков, 2013] мы раскрыли действие этой логики в хронотопическом пространстве М. Бахтина. Там же было показано, что те самые события, которые у М. Бахтина происходят (случаются) в романах (точнее, в текстах), согласно выдвигаемой гипотезе, могут происходить с реальным человеком или во всяком мышлении, а точнее, с сознанием как смыслообразующим началом мысли. Если бы М. Бахтин оказался более близок к современной антропологии и перенёс своё открытие (хронотоп) на реального человека (то есть рассмотрел замеченный им в романах «топос» сращивания различных форм применительно к реальному человеку), или провёл бы анализ собственной мысли о хронотопе, то, возможно, предлагаемая гипотеза была бы высказана им гораздо раньше. Ведь его мысль созвучна тому, что из глубины веков и преданий вещает восточная традиция (в Ригведах, Упанишадах, Махабхарате (Бхагавад-гите и Анугите), буддистских текстах, даосизме и т. д.). Но М. Бахтин не осмелился затронуть святую тайну европейской традиции – могущество разума в пространственно-временном измерении, и приписал хронотопичность только генезису сюжетной линии в исторически изменяющихся романах, истории становления или «духу», наполняющему романы (в более узком смысле – узловой точке сгущения всех сюжетных пространственно-временных линий романа или даже романов).

Исходя из того, что роман продумывается ещё до его написания, то есть разворачивается первоначально в мышлении самого автора, мы пытаемся перенести механизм хронотопа из событийности текстов в процессы реального мышления в более общей форме, с учётом формирования неклассических философских представлений о человеческом мышлении и психике. Фактически, перенести методологию феноменологии с учётом экзистенциального, персоналистического, структуралистского и постструктуралистского представлений о жизни реального сознания (или, если исходить из неопределённости современных представлений о глубинах психики человека, – на жизнь мыслящего духа).

Теперь попробуем разобраться с этой новой логикой на примере структурной антропологии К. Леви-Строса, основанной на структурном прочтении мифа и привязанной к жизни современных индейцев. Открывающуюся отсюда перспективу исследования времени нам бы хотелось назвать **антропологией времени**. В таком понимании антропологию времени изначально можно разбить на два разных топоса: вневременной формальный (пространственный) мир абсолютов, нормированный спокойным, практически застывшим во времени мышлением (когда отчётливо прослеживается формальная (математическая) логика физических событий), и времени-подобный мир нелинейно-изменяющихся событий (для таких событий иногда применяется термин синергетика), обусловленный огромным напряжением мысли (в котором трансформируется пространственно-временной топос мысли).

В частности в разорванном от напряжения топосе мышления, который в нашей системе обозначений можно назвать диахронно-синхроническим «топо-

сом», с одной стороны, согласно идей М. Хайдеггера, осуществляется «выхватывание» у бытия смыслов (бытие приоткрывает свою истину), когда Dasein (мысль) соизмеряется (срачивается) с бытием, с другой – согласно нашей гипотезе – может осуществиться сдвиг (трансляция, поворот) самого «топоса (жизни сознания)» относительно пространственно-временного топоса. В частности, во времени-подобном топосе напряжённое сознание, создавая колоссальную энергию мысли, врывается (по версии А. Бадью) в зону пустоты истины (события), раскалывает её и перенормировывает. Напряжённая мысль, по сути, разрывает пространство истинности событий и осуществляет перекодировку истин на более высоких уровнях энергии мысли.

В том месте, где осуществляется такое событие мысли, происходит уплотнение (разрыв или сжатие) времени и перенормировка пространственно-временного измерения, ибо оно (пространственно-временное измерение), сращенное с мыслью, и само сильно преобразуется (эффект Мессинга или Ванги, мыслящих сквозь время, является тому подтверждением). Но можно привести и более сильные доводы, опираясь на жизнь Христа, Будды, Отцов Церкви или бодхисаттв (которые, в конечном счёте, тоже были людьми, обладающими мышлением). Аналогичным образом любой настоящий гипнозист делает пластичным сознание пациента относительно пространственно-временных преобразований. В таком же контексте нашу гипотезу подтверждают зеркала времени Н. Козырева.

Таким образом, становится понятным, почему странные психические миры К. Кастанеды, миры мистиков и теософов, даосистов, буддистов и индуистов во многих местах совпадают или пересекаются со структурными моделями хронотопа М. Бахтина и теории мифа К. Леви-Строса.

Структурная теория времени К. Леви-Строса в диахронно-синхроническом измерении. Логика изменённого состояния сознания

Во второй половине XX века научная психология пришла к выводу о наличии **изменённых состояний сознания** (в частности, речь идёт о технике анализа этих состояний С. Грофом).

Логика понимания действительности у древних греков подразумевала мимесисное представление, то есть опору на некое предшествующее состояние мира, которое где-то в памяти уже хранится, и как таковое помогает понять изменяющуюся реальность. Изменяющееся настоящее опиралось на статику прошлого (мир идей) – логос. Для понимания изменяющегося настоящего греки искали прочную опору в мире представлений (которая в силу своего жесткого выпадения из пространства и времени находилась вне времени, вне действительности и в таком контексте представляла собой абсолютную идею-образец, размечающую и формирующую саму действительность). Сознание без опоры стремилось вернуться к своим истокам, в дорефлексивный фетишистский мир духов. Таким образом, для того, чтобы люди понимали друг друга, необходимы были такие устойчивые формы-образы мышления, которые однозначно кодировали и раскодировали смыслы для всех живущих. Устойчивые мыслеформы обрели коды своего бытия, понятные для всех (в виде знаков) и превратились в язык. Жёсткое разделение мира на обозначающее и обозначаемое открыло особенности понимания. Прагматики У. Джеймс и Ч. Пирс показали, что есть не только дорефлексивный мир объектов и рефлексивный мир субъектов, но и

третий мир – язык – как мир универсальных форм-кодов, пришедших из прошлого, без которого нет, и не может быть понимания. Последующее обобщение представлений о третьем мире-посреднике (между людьми) раскрыло сущность системы отсылок-симулякров, опосредующих взаимоотношение людей (к таковым можно отнести товары и деньги), – символические миры обмена (по Ж. Бодрийяру). Однако в том же XX в. выяснилось, что фактически и система мышления, и система языка, и система мира природы пересекаются, но пониманием этого способа пересечения обладают только те, кому доступны шифры к соответствующим поверхностям их пересечения. Эти шифры воспроизводят то, что записано на поверхности, что можно назвать смыслами. Шифры к поверхностям становятся языком. В таком случае то, что Пирс называл первичностью, вторичностью и тричностью превращается в четверичную систему взаимодействия человека и мира, и наряду с субъектом, объектом и языком появляется четверичность (смысл). В таком контексте язык – не только система знаков (букв) или система звуков (фонем), но система значений и система смыслов.

Цифры и коды несёт в себе культура и традиция. Это то, что проявляется в настоящем человека из прошлого (в виде традиции). Но реальное считывание кодов всегда происходит в настоящем. То, что мы подразумеваем под настоящим, – это тонкая граница между прошлым и будущим. В определенном смысле для нас настоящее раскрывается как форма (форма нашего восприятия мира в потоке времени). Наша жизнь в настоящем – это способность к сопоставлению и прочтению различных форм бытия. Классическое прочтение мира сводилось к чтению таким форм, как сущее. Точнее, мы воспринимали мир как систему одномерных сущностных форм, которые выпадали из времени. Классическое сознание воспринимало мир как абсолютное (идеальное) настоящее. И другого способа считывания оно не имело. Мир раскрывался как синхронический срез (форма) настоящего, в котором мы вырезаем определённый фрагмент и считываем его как форму сущего.

Вплоть до XX в. европейский человек жил представлениями о настоящем, распознанным разумом, и имел чисто пространственное (формальное) мышление. Только вместе с обнаружением диахронических особенностей языка стало проявляться, что человек имеет возможность исследовать срез мира не только фронтально-синхронически (по границе настоящего, без учёта времени), но историко-диахронически (по временному срезу), когда игнорируется настоящее (и наоборот высвечивается временное становление языка или мира). Первоначально перспективы такого нового прочтения мира стали приоткрываться после обнаружения диахронического среза языка (в концепции Ф. де Соссюра). Фактически, Соссюр совершил революционный поворот в восприятии мира, ибо приоткрыл завесы того, что язык можно прочесть не только пространственным (синхроническим) способом как систему целостности (как синтаксическое, грамматическое и семантическое единство) языка, но и временным (диахроническим и историческим) способом как непрерывно-временную (историческую) связность языка с момента его образования. Но, реально, только Леви-Строс, разбирая пространственно-временные свойства мифов современных индейцев, обнаружил всю важность открытия Соссюра применительно к мифологическому мышлению. Он, по сути, обнаружил глубокую внутреннюю связь между устройством мифа и языка. Это позволило раскрыть внутреннюю структурную сущность мифа, которая пробивалась из истории, что дало возможность проследить исторический (продольно-

временной) срез теперь уже мифа. Ведь исторически складывающаяся система мифов, как и система романов у М. Бахтина, оказывается, формировалась по какому-то собственным законам.

На протяжении истории своего существования миф изменялся и эволюционировал, что, как выявил Леви-Строс, в принципе можно проследить. По аналогии с тем, как это происходит в языке. Таков общий вывод структурализма. Но дальнейшее исследование привело к гораздо более широкому охвату проблемы. Обнаружилось, что аналогичным образом по типу языка структурирован не только миф, но и бессознательное (исследования Ж. Лакана), общество в целом, психика и сама жизнь человека (исследования М. Фуко, Ж. Делёза, Ф. Гваттари и др.). Иными словами, пространственный срез, в границах которого мы привыкли измерять проявления нашей жизни в настоящем времени, оказался не единственной возможностью прочтения структуры (и способа бытия) жизни; имеется и другой – диахронический срез, который открывает ретроспективный взгляд на прошлое (традицию). Точнее, изменяется не только жизнь, изменяются и формы жизни, и эти изменения наша психика и генотип определённым образом фиксируют. История в таком ракурсе превращается в эволюцию форм (или формы). И жизнь сама по себе может быть лишь одной из разновидностей формы. Где-то в психике человека заложен механизм фиксации и считывания эволюции формы. Иными словами есть механизм отслеживания, понимания и считывания более сложной, учитывающей эволюцию, формы (формы форм). В клетках человека, в его сознании и психике заложены механизмы сохранения всей предшествующей истории их развития, но ведь эволюция генотипа, психики и сознания гораздо больше и длиннее жизни конкретного человека.

Такую сложность представлений о жизни видели ещё древние жрецы и мудрецы. Ведь жизнь – не только момент рождения или смерти, но также и единство всего периода становления и эволюции конкретного человека от рождения до смерти. Уже давно известно, по крайней мере, в восточных представлениях, что понятие жизнь включает в себя не только синхронический мгновенный срез в какой-то период настоящего, но и всю историю становления человека, всю динамику его развития (теперь это можно назвать диахроническим срезом). Это отражено в пословицах типа: жизнь прожить – не поле перейти.

Жизнь конкретного человека встраивается в общую систему эволюции, которая с учётом слияния жизни конкретных людей включает и мутацию, способность к изменению самой формы жизни, «вечного» (или по крайней мере исторического) феномена жизни. Любой конкретный человек, переживая своё состояние и сущность, раскрывает своё бытие, и в то же время вносит порой глубокие коррективы в само понятие жизнь (вплоть до изменения его формы). То, что мы привыкли называть мистикой, часто не доверяя провозвестию появления нового, во многом связано с духовным богатством людей, обладающих возможностью прямого считывания единства бытия, способности, утраченной европейским человеком в силу научного образа его существования (ориентированного только на прошлое). Но поскольку сам механизм мистического считывания информации не ясен и туманен, в реальной (особенно европейской) жизни появляется множество шарлатанов, которые выдают свои способности к «околпачиванию» (более жёстко – к «зомбированию») людей (или манипуляции ими) за чудесные способности видения диахронического среза жизни (которую на Востоке именовали «третьим глазом»). Мистические способности (в

точном, а не шарлатанском смысле) есть способности определённых людей к считыванию диахронического среза жизни (истории человека и его архаичного древа с момента первичного формирования). Поскольку есть закономерности самого проявления и эволюции жизни, постольку есть механизмы считывания этих закономерностей. Точнее, есть до сих пор непонятые механизмы психики, позволяющие запоминать и хранить эволюцию жизни. Таким образом, открытия Дарвина, по своей внутренней силе, более глубоки и дальновидны, чем считали его современники. Природа, как таковая, несёт в себе механизмы запоминания и изменения жизни. Локально мир структурирован и организован по типу включённой в него жизни. Поскольку, скажем, без воздуха и воды жизнь на Земле не смогла бы существовать, то эти вещества позволяют кодировать и нести формулу и формы жизни. И если жизнь возникает даже там, где практически нет энергии Солнца, на дне океанических впадин, где работают иные сероводородные источники энергии (от извержения вулканов), то можно предположить, что жизнь – явление более глобальное, чем принято считать. Главное – источником существования жизни является наличие сред, способных хранить информацию об эволюции жизни. Возможно, что вся природа, обслуживающая жизнь и хранящая информацию о ней, в определённом смысле причастна к жизни и включена в иной (эволюционный) механизм бытия. Аналогичное открытие применительно к памяти человека и его психике, собственно, и сделал Леви-Строс. Он, с одной стороны, развивает и разрабатывает новую структурную антропологию, а с другой – расширяет границы применимости теории Дарвина. В отличие от К.-Г. Юнга, предложившего архетипический тип социальной памяти, исследованная К. Леви-Стросом историческая память форм психики называется бинарной. Бинаризм есть механизм исторической памяти форм (жизни и общества), её основное свойство. Этот бинаризм, скорее, напоминает математические закономерности биннома Ньютона, идущие от структурных свойств математики второго порядка, принципиально отличающейся от линейных закономерностей первого порядка.

Диалектика Гегеля и Маркса превращается в структурной антропологии в крайнюю синхроничную или сверхвременную (мгновенно-считанную) форму диахронии. Точнее, сущность структурных оппозиций может быть раскрыта в двух срезах бытия: синхроническом (в нём мир проявляется диалектически или полифонически) и диахроническом (бинаризм). Гегель пытался передать своё ощущение об эволюционной диалектике, но эволюция и диалектика у него так и остались по разные стороны понимания эволюции. Сама диалектика Гегеля оказалась лишь вневременным методом понимания истории: она раскрывает сущность явлений, а не их эволюцию. Бинарные оппозиции Леви-Строса уже раскрывают эволюционные механизмы мифа и сознания.

Создание первичной оппозиции, порождающей начало эволюции явления (в частности, жизни, мифа или языка), – тонкий момент сочетания ряда факторов, в чём-то напоминающий синергетический процесс рождения из первичной флуктуации. Так что в момент зарождения форм (мифа, языка, жизни и т. д.) синергетика и структурализм видят явление похожим образом. Первичная оппозиция порождает генерацию, очень похожую на распространение кванта света (когда электрические изменения (в одной плоскости) порождают магнитные (в другой) и т. д.). По сути, диахроническая оппозиция порождает синхроническую, которая, в свою очередь, детерминирует дальнейшую диахронию и т. д. Это и есть эволюционный процесс, одну часть которого (син-

хронно-диалектическую) описал Гегель, а вторую (диахронную) попытались исследовать Соссюр и Леви-Строс.

Первичная генерирующая оппозиция как осциллятор детерминирует дальнейшую эволюцию рождённой формы. По такому принципу осуществлялось рождение мифа, но по тому же сценарию происходило рождение любого имени, понятия и языка в целом. Игра факторов рождала первичный смысл. Смысл без именованной оппозиции нейтрален (как скалярное поле в физике); именованная оппозиция (например, понятие) без смысла пуста (в ней не раскручивается внутренняя энергия мышления). Текст (который несёт в себе определённый смысл жизни) порождён всегда неким первичным противостоянием (напряжением, игрой), которое в дальнейшем способно запускать (определённую по тексту) смысловую генерацию. Однако последующий запуск этой генерации может осуществить лишь тот, кто владеет кодом смыслов текста, то есть знает язык запуска генерации. Язык и есть способ (код) запуска смысловых генераций (ключ к генерации). Поэтому все тайные знания пытались облечь в форму сокрытой информации, ключом от которой могли владеть лишь посвящённые. Смысл сам по себе есть система уже когда-то запущенных генераций, использовать которые можно с помощью ключа или кода (языка); значение – это способ запуска строго определённой системы генераций смыслов в определённых крайних (онтологических или жизненных) условиях.

Язык – способ (или код) прочтения системы смыслов, тесно связанных и с текстом, и с речью. Язык (и разум) в интерпретации Р. Рорти есть зеркало природы. Являясь своеобразным носителем социальной традиции, он является зеркалом социальных явлений. Как зеркальный носитель традиции, он несёт на себе закон и формирует судьбу социального устройства общества.

Между языком и физическим зеркалом можно найти много общих закономерностей. Зеркало – это дар природы, способность к тому, чтобы видеть и изменять форму существования тел и жизни, ибо и само зеркало – это память форм мира, способ сжатия мира до формы изображения. Оно владеет формальным изображением настоящего и обладает способностью изменять представления о прошлом и будущем, так как, по сути, является пограничным явлением между прошлым и настоящим. Неся в себе коды прошлого, оно в то же время (как пограничное явление между прошлым и будущим) видит и настоящее, тем самым осуществляя коммутацию прошлого и будущего. Недаром, зеркало часто являлось атрибутом и составной частью мистических и магических опытов. Фактической зеркальной памятью обладают, видимо, все вещи мира, так как имеют поверхность, которая в той или иной степени обладает способностью к отражению и изменению информации об окружающей действительности. Источником той природной зеркальности, о которой мы имеем наиболее отчетливое представление, является свет, собственно формирующий в силу своих удивительных электромагнитных (пространственно-временных) свойств поверхностные явления. Он освещает настоящее действительности (поверхность тел) и является хранителем её поверхностных свойств. Как таковой, как носитель мгновения (мгновенного высвечивания формы действительности), он формирует судьбу мира в его настоящем бытии. Свет высвечивает формы мира, отражая его поверхностные явления, и способен их изменять.

Язык является зеркалом мира в силу того, что есть процессы, позволяющие перенести то, что происходит в природе, на то, что происходит в сознании. Механизмом закрепления в сознании такого рода явлений, который задаёт код считывания смысловых процессов, является язык. Если я смотрю на природу и

выхватываю из неё определённые фрагменты, то внутри меня срабатывают определённые коды, которые кодируют и расшифровывают в понятийной форме (понятной для мышления) границы моего внимания. Понятия придают бессмысленному взору определённую смысловую озабоченность-систему. Механизм фиксации смыслов понятий адекватен способу считывания поверхности действительности. Взгляд прочитывает поверхность выхваченного фрагмента действительности и даёт ему смысловую оценку, что соответствует производству мысли (и языкового высказывания). Действительность закодирована в языке в понятиях. Механизм схватывания освещённой поверхности действительности, по сути, отражает механизм формирования светом поверхностной картины. Вместе с исчезновением света (в темноте) исчезают проблески мысли (о предметной действительности), соответствующие световым эффектам. Поэтому понятие, нагруженное минимальным смыслом, уже в принципе фиксирует определённую световую систему (то же самое происходит и с другими органами чувств). Итак, способ кодирования действительности (в световом поле) соответствует способности пучка света выхватывать фрагмент действительности (поверхностную световую картину). Иначе говоря, между природой и нашими механизмами считывания действительности есть определённые соответствия, которые и отражают идею того, что язык является зеркалом природы. Зеркало срисовывает картину действительности по тому же принципу, как это делает наша психика. Итак, мы, по сути, попытались, проанализировать, что может происходить на уровне привычного (обыденного) и изменённого (высокоэнергетического) состояний сознания.

Изменённое состояние времени

С учётом той техники, которая использовалась при анализе изменённых состояний сознания С. Грофом, с учётом теории хронотопа М. Бахтина и опираясь на предложенную нами гипотезу, мы вводим представление об **«изменённом состоянии времени»** по аналогии с «изменённым состоянием сознания».

Согласно фундаментальному принципу Э. Маха, всё в мире можно объяснить постоянным взаимодействием. Но это относится и к вещам, и к психике человека (принцип экономии мышления). Однако глубокая иллюзия ньютоновской механики и в целом классического мышления заключалась в том, что взаимодействие может осуществляться только по прямой линии, т. е. всегда работает вариационный принцип минимального действия (взаимодействия). Фактически же, к решению проблемы гораздо ближе подходят гегелевская и марксистская теории, объясняющие спиралевидную эволюции. Никакое тело не формируется мгновенно.

С учетом эволюционных процессов формирования любого тела можно говорить о соскальзывании тела в собственное бытие-существование, и это соскальзывание как эволюционный временной процесс осуществляется с учётом постепенного отсоединения от внешнего мира, точнее, скручивания с внешнего мира (спиралевидным образом) в собственную форму жизни духа. С момента формирования границы тела начинается его внутренняя история (внутреннее время его существования). Но исчезает ли при этом внешнее время? Оно остаётся и извне детерминирует бытие тела. С учётом временного встраивания тела во внешний мир можно говорить о том, что тело имеет прошлое (которое длится с момента его рождения), настоящее (его дление в настоящем) и будущее

(встраивание тела в дление внешнего мира, которое формирует для него будущее) – три известных модуса существования (прояснения в сознании) времени. Хайдеггеровский термин «время временится» обусловлен, собственно, сложной внутренней антропологической игрой времен.

Логика времени тела с точки зрения внешнего наблюдателя есть сложный процесс взаимодействия тела с внешним миром через границу. Такая логика формировала мировоззрение Галилея, Декарта, Руссо, Юма, Канта – всех тех мыслителей, деятельность которых привела к формированию неклассического мышления. Галилей и Декарт исходили из наличия принципа относительности для механистических систем первого порядка, что условно можно трактовать как выведение времени из общей системы категорий в некий самостоятельный и самодостаточный комплекс. Юм, продолжая эту же линию, фактически, расширил этот принцип на единый пространственно-временной континуум, что позволило Канту с учётом особых свойств пространства и времени высказать идею об их априорности, точнее, независимости от мышления и психики человека. Тем не менее, логика понимания индукции Юма, Канта и даже Поппера всё ещё основывалась на прочтении прошлого, настоящего и будущего как неких независимых модусов времени. На этом основывался принцип причинности и вся классическая наука, которая, опираясь на представления о вещах как о точечных образованиях, в то же время всячески избегала реального представления о точке, ибо не представляла себе, как длящееся (бытие) трансформируется в статическое (сущее). С точки зрения новых представлений можно сказать: этот формальный процесс осуществляется в психике, которая, опираясь на сознание, предпочитала иметь дело с сущим (не имеющим ни объёма, ни пространственно-временных трансформаций), в этом же смысле удобно ввести понятие «идея». И даже произведения искусства в таком смысле являлись лишь попыткой сжатия динамики действительности в сущностную эстетическую форму, которая отражала бы срез психики автора в определённый момент переживания действительности.

Первые идеи о принципах топоса (места) и теперь-точки (мгновения времени) были высказаны ещё Аристотелем, а в дальнейшем в космологическом ракурсе переосмыслены Плотинем и в антропологическом – Августином. И хотя представления о том, что есть прошлое, настоящее и будущее, имели ещё древние индусские жрецы, значимость этих модусов времени для человека была раскрыта только Августином, впервые указавшим на особый смысл проблемы переживания времени и переинтерпретировавшим сущность мгновения в аспекте длительности (дления) настоящего для человека (секунда, год, столетие и т. д.). В поздней схоластике только Фома Аквинский систематизировал эти проблемы и провёл классификацию внутреннего (для души) и внешнего (для Космоса) времен, которые можно, по сути, расширить на любую систему.

Несмотря на многочисленные попытки философов Нового времени продвинуться вперёд в разрешении проблемы истории, ориентированной на человека, понимание проблемы пришло лишь в неклассическом мышлении, а раскрытие сущности духовного времени вследствие усилий мыслителей XIX – XX вв. (Брентано, Дильтея, Гуссерля, Хайдеггера, Уайтхеда и др.) приобрело контуры общекультурного (ориентированного на историю), эстетического (связанного с феноменом музыки), феноменологического (раскрываемого в сознании) и экзистенциального (связанного с трактовкой бытия) времени.

В то же время, вместе с обнаружением сущности духовно-философского и физического времени в XX в., всё большую роль начинает играть мистиче-

ское понимание времени, согласно которому и природа, и человек имеют способности к запоминанию и восприятию событий не только настоящего, но и прошлого (экстрасенсы, как они утверждают, посредством восприятия запаха или видения мыслеформ способны описать события, произошедшие в определённом месте много лет тому назад, или, наоборот, в настоящее время отыскать место за тысячи километров, где произошло определённое событие, и т. п.).

В пространственно-ориентированном синхронном времени все события происходят одновременно, в то время как в диахронном измерении (ориентированном на конкретное событие) связь времён подвластна определённым закономерностям (здесь осуществляется модуляция времени сущностно значимыми оппозициями, которые и могут быть просчитаны экстрасенсами). Выясняется, что человек имеет не только пространственный (образный), но временной (экстрасенсорный) виды памяти – они обуславливают различные способы модуляции нашего бытия. Одним из лучших источников памяти времени является вода; наоборот, огонь разрушает следы любой памяти (следы присутствия времени).

Физики XX в. разложили мир на пространственно-подобный, в котором сохраняются причинно-следственные связи, и времени-подобный, в котором они могут нарушаться. Согласно современным естественнонаучным представлениям, граница между этими мирами пролегает через скорость света, максимальную из всех возможных, как считали ранее физики. В мире, в котором скорости меньше скорости света, последняя синхронизирует все потоки событий и взаимодействий. Однако в мире духовно-социальных явлений мысль может прочерчивать движение событий с гораздо большими скоростями. В соответствие с концепцией Леви-Строса психика модулирована социальными архетипами (в виде оппозиций), которые отражаются в мифе, языке, самой психике (на бессознательном уровне) и т. д., и вся эволюция оппозиций может быть прокручена и просчитана сознанием в последующей истории (иногда с огромной скоростью).

В таком случае появляется ли у нас возможность говорить о пространстве и времени на языке Хайдеггера, то есть о смысле пространства и времени? Очевидно, что смысл принадлежит сознанию, которое связано в смысловые потоки, то есть связано с бытием человека. В таком контексте и пространство, и время имеют смысл только в онтологическом аспекте. Хотя ещё Декарт утверждал, что протяжённость (то есть пространственность) является основным свойством мира природы, его субстанциональной основой, а способность к мышлению (может быть здесь близко подходит хайдеггеровский термин способность к временению) – основным свойством сознания.

В хайдеггеровском смысле мы обречены пройти человеческий путь понимания пространства и времени, то есть наделять их этим свойством. Но в таком случае мы вступаем в противоречие с теорией Канта, утверждающего априорность пространства и времени, то есть их непознаваемость опытным путём. Хайдеггер, ушедший в сложный мир экзистенциальных форм, не увидел иных путей раскрытия того, что не поддаётся чисто научной интерпретации. Он одним из первых понял, что такие категории, как бытие, могут быть поняты только на языке человеческой психики и эмоций, ибо у человека нет иных инструментов, способных выразить их привычным языком опыта, человеческого делания.

Человек не делает (не творит) бытие, а лишь пребывает в нём. Он может выстроить дом, обозначив его топологию, которая вполне может быть просчи-

тана и переведена путём действия на язык физических форм, но он не может выстроить кенон¹ таким образом, чтобы провести над ним эксперимент (этот последний опыт может быть только мысленный). Мистики, в свою очередь, утверждают, что такого рода мысленные эксперименты вполне могут быть реализованы в действительности, ибо мыслеформы материализуются. Но при этом они не могут обеспечить своему мистическому творению ни опытную, ни логическую проверку, ибо у человека пока нет инструментов, чтобы проверить суть воздействия мысли на материальные объекты. Поэтому утверждения мистиков в настоящее время нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Фрейд, Соссюр, Хайдеггер, Юнг, Леви-Строс и др. обнаружили свои коды прочтения скрытых процессов человеческой психики. Поле, которое при этом считывалось, выступали язык, бытие, бессознательное, миф и т. д. Они прояснили, что каждое из этих скрытых от чистого наблюдения полей несёт в себе элементы разметок древних цивилизаций, которые тем не менее могут быть обнаружены при нетрадиционном их считывании, не ориентированном на науку, разум и рациональность. Классическое мышление, с одной стороны, несёт в себе следы просветительства и цивилизации (образования), а с другой – огрубляет возможности остальных ресурсов психики.

Точно также и поле социальности имеет свою скрытую разметку, которая прочитывается только на уровне бессознательного. Общество, как механизм объединения людей, невозможно обнаружить чисто разумным и физическим образом, ведь социальное единство – это тот же кенон, который не видят человеческие глаза и не слышат уши, но который ограничивает возможности свободы и бытия входящих в него людей (это незримые рамки, которые размещены где-то в психике и позволяют умножать силу воздействия человека на природу за счёт виртуальных эффектов и знания правил преобразования энергии и силы). Однако человек, реализуя свои социальные и физические механизмы, по сути, работает в разных измерениях, и соединить обе возможности можно только на поверхности скрытого кенона (или на поверхности психики). По тому же принципу осуществляется привязка социальности к месту и времени. Сама привязка осуществляется в некоем виртуальном топографическом пространстве, условно поделившем поверхность Земли на топографические зоны, но условное согласие приводит к реальному разделу сфер влияния (территориализации). Аналогичным образом производится привязка ко времени, что приводит к появлению истории общества как диахроническому срезу картографической эволюции Земли. Но картографическое пространство всегда лишь виртуально и условно. На одной и той же территории могут существовать множество различных социальных миров (пространств-кенонов или форм), связь между которыми осуществляется посредством речи и дискурса (или объединением дискурсивных практик). К универсальным формам единства социальности относятся речь, язык, миф, пространственность, время, бессознательные механизмы власти и подчинения, сексуальность и т. д., посредством которых Фуко составлял карты социальности. И поскольку связь между различными формами социальности раскрывается разными мыслителями XX в. подобным образом, то, вероятно, можно говорить, о едином общем механизме их формирования. Бессознательное структурировано как язык (Лакан), язык структурирован по аналогии с мифом (Леви-Строс), миф ориентирован на формы социального родства (Леви-Строс), а механизмы социального устройства связаны с бессоз-

¹Κενόν у Демокрита – пустота,местилище, место-сосуд без стенок.

нательными процессами формирования психики. Круг замкнулся; следовательно, мы постоянно находимся в сфере воздействия некоего общего поля формирования социальности, которое и вырабатывает соответствующие (подобные) структуры психики. Именно такие доминирующие формы социальности в различные исторические периоды пытался выявить М. Фуко.

Леви-Строс понимал бессознательное как фактор, структурирующий реальность посредством языковых практик. Он считал, что симптоматика психически нездорового человека имеет в своей основе «миф» или историю, независимо от того, были ли те или иные события (миф и история) в реальности [Леви-Строс, 1985, с. 175–182]. Но ведь все мы живём по таким картам (мифов, историй и нарративов), которые пришли из прошлого. Поэтому сравнительный анализ психики нездоровых людей, у которых в сознании формируются жёсткие (порой иллюзорные, часто обращённые только к прошлому) схемы бытия, и здоровых людей, опирающихся, по возможности, на здравый смысл и реальные события, может позволить прояснить возможности и способы структурирования бессознательного и социальности. В различных проявлениях бессознательной психики нездорового человека могут быть воспроизведены различные участки работы бессознательного, что позволяет, объединив различные варианты, делать вывод о структуре психики в целом. В частности, М. Мамардашвили считал, что психоанализ интересуется один единственный предмет – детство, когда в определённый период (примерно от двух до шестивосьми лет) детской психикой порождаются монстры, которые затем скрываются, а их патогенные свойства остаются [Мамардашвили, 1996, с. 344]. Речь у Фрейда идёт об особых свойствах психики ребенка. Исходя из этого, очень часто искажается реальный смысл «комплекса Эдипа» у Фрейда. Для Фрейда «комплекс Эдипа» лишь образ, скорее, обращенный только к метафоре отца. «Комплекс Эдипа» относится прежде всего к работе фантазирования, воображения и смысловой трансформации физических актов, которые ещё не являются таковыми для ребенка. Оказывается совершенно не важно – был ли реальный отец у ребенка или нет. Каждый раз имеются в виду генеративные, а не отражающие свойства психики [Мамардашвили, 1996, с. 346]. Важно то, что ребенок сам генерирует в своём сознании по поводу сексуальных отношений взрослых.

Обобщая сказанное в рамках антропологии времени, можно заключить, что человек может понять сущность топоса (выстроить место), но у него нет инструментов, чтобы построить кенон (место-сосуд без стенок) и провести над ним эксперимент (этот последний опыт может быть только мысленный). Мистики, наоборот, легко разрабатывают такие проекты (как кенон), но не могут обеспечить своим мистическим творениям ни опытную, ни логическую проверку, так как у них нет инструментов, позволяющих проверить суть воздействия мысли на материальные объекты. Поэтому утверждения мистиков в настоящее время нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Диахронно-синхроническая антропология времени

Парадоксальность представлений Леви-Строса о мире и языке заключается в том, что он на основе исследования жизни современных американских индейцев Северной и Южной Америки проводит фундаментальные параллели с историческим становлением «жизни» мифа, языка и культуры в целом. Сравнительный срез их представлений о Космосе позволил увидеть похожие

глубинные представления о языке, который из глубин истории детерминирует современную культуру. Тем не менее, многие ключевые положения таких представлений были обнаружены ещё его предшественниками.

Б. Уорф показал, что систему родства американского племени хопи нельзя изобразить в виде модели с двумя измерениями (необходимо три типа временных измерений системы родства). Однако похожие три типа временных измерений, оказывается, встречаются и в системах родства других племен Южной и Северной Америки (например, зунию). Во всех этих племенах генерируют определенные типы родственных отношений людей между собой, идущих откуда-то из прошлого, нарушить которые в настоящем времени не позволяет традиция. Наблюдатель – член семьи – может допустить связь с другим членом общества только через посредство третьего, который должен быть задан одновременно. Эти же преобразования соответствуют тем, которые наблюдаются при изучении мифов [Леви-Строс, 1985, с. 71]. При таком взгляде вдруг открывается, что картина становления мира, выступающая на первый план в версиях хопи и зуни, почти исчезает у акома за другой картиной: сотворением мира в результате совместного действия двух сил, относящихся соответственно к верху и к низу [Леви-Строс, 1985, с. 71]. Мир в таких мифологиях не рождается из точки и всегда дуален.

Похожие генерации, размечающие родственные отношения, структурируют мифотворческий процесс становления мира у разных племен (посредством оппозиций). Более того, генерации, похожие на те, что детерминируют становление системы родства, наблюдаются в системах становления мифа и лингвистики (и наблюдаются у различных племен, живущих в очень отдаленных странах).

Так как указанные закономерности (генерации) свойственны как исторической жизни конкретного племени, так и синхронной жизни совершенно разных племен, то и Р. Якобсон [Якобсон, 1985], и К. Леви-Строс делают вывод, что противопоставление синхронии и диахронии в высшей степени иллюзорно. С другой стороны, было бы ошибочно, по мнению Леви-Строса, рассматривать статику и синхронию как синонимы. Статический срез есть фикция: это лишь научный вспомогательный метод, но не частные формы бытия [Леви-Строс, 1985, с. 84]. Срез, действительно, есть фикция, но далеко не фикция – грамматическое (структурное) устройство языка, которое формируется внешним образом и задаёт его границы. Грамматику же мы можем рассматривать как способ существования языка, а не фиктивный срез и статический метод, как способ формирования языка, генерация которого разворачивается в другом измерении, нежели то, в котором происходит формирование системы значений языка (диахронии). Так что синхрония и диахрония вовсе не адекватные срезы языка, а разные способы формирования его единства. Об этом умалчивают и Р. Якобсон, и даже К. Леви-Строс.

Тем не менее, Леви-Строс находит хорошую аналогию, о которой ещё не мог знать де Соссюр. Речь идет о кино. «Мы можем, – пишет он, – рассмотреть фильм не только диахронически, но и синхронически; однако синхроническое восприятие фильма не аналогично восприятию отдельно взятого кадра» [Леви-Строс, 1985, с. 84]. Образ кино оказался столь удачной аналогией разворачивания культуры, что к нему впоследствии обращались и структуралисты, и постструктуралисты. Теория кино – это наглядный образ для исследования становления культуры, общества и языка (здесь в синхронном и диахроническом измерениях разворачиваются, по сути, процессы, отображающие суть

действительности). Кино – это зеркало (форма) общества в его динамическом развитии.

В структурном подходе К. Леви-Строс открывает ещё одну интересную закономерность: «Всякий миф есть воспоминания о событиях прошлого» [*Леви-Строс*, 1985]. Миф, стало быть, оформляет настоящее, опираясь на структуры прошлого (причем само оформление осуществляется в механизмах мышления). Более того, именно разрыв настоящего и прошлого создаёт саму возможность мышления, основанного на воспоминании, – мышление изначально основано на разрыве актов психики. То свойство, которое в дальнейшем Ж. Деррида назвал отсрочкой.

Классическое мышление попросту не знало настоящего и всегда было адресовано к прошлому, направлено на него. Миф всегда указывает на прошлое. Такова его скрытая интенциональность. Собственно, и боги в любую культуру всегда приходили из прошлого. Смерть Богов, афишированная Р. Вагнером и Фр. Ницше, – это смерть богов, хранивших традицию прошлого. Ныне же мы хотим, восклицает Ницше, чтобы пришел сверхчеловек, способный указать путь к будущему.

Леви-Строс уже был очень близок к разгадке тайны мифологии мышления. «Миф, – пишет он, – есть одновременно и внутриязыковое и внеязыковое явление. Подобная трудность встречается и в лингвистике: язык включает в себя различные уровни» [*Леви-Строс*, 1985, с.186]. Главная тайна мифа – опыт мыслеформирующей работы с прошлым. За этим скрывается участие сознания (точнее, психики) во всех структурообразующих процессах формирования мира. Прошлое исчезает как прошлое, но исчезает ли оно как настоящее (растворяется ли в нём)? Психика – единственный известный механизм, который может преодолеть разрыв прошлого и настоящего. Природа сама по себе как субстанция таких механизмов не имеет, ибо жёстко связана константами своего формирования (причинно-следственными связями). Она детерминирована и жёстко привязана к стреле времени. Иное дело психика, и всё, что за ней скрывается, в том числе и человеческий дух. Но в этом месте с точки зрения абстрактного (разумного) мышления начинаются непреодолимые разрывы и противоречия. Разум не владеет прошлым (а значит, и бессознательным), логос – это иллюзия греков, попытка увидеть невидимое глазами разума, увидеть закрытый прошлым процесс структурообразования. Разум же видит только застывшие в вечности и понятиях формы (типа идей), всё остальное – за горизонтом его видимости. И архетип К-Г. Юнга является застывшей памятью поколений, которая из глубин прошлого организует настоящее (это социально-исторический коллективно выработанный миф, воздействующий на настоящее бытие конкретного человека).

Наоборот, экзистенциал, направленный в будущее, по существу, является полной инверсией архетипа (мифа), направленного в прошлое. Соответственно мы имеем два расходящихся от настоящего потока, один – направлен в прошлое, другой – в будущее (в феноменологическом эквиваленте ретенцию и протенцию). Оба потока изоморфны: точно так же, как психика детерминирует прошлое и будущее, они организуют настоящее психики. Неадекватность прошлого и настоящего в восприятии человека проявляется в различии языка и речи. Еще Соссюр, ориентируясь на такую установку, показал, что язык можно рассматривать в двух взаимодополняющих аспектах – диахроническом и синхроническом [*Соссюр*, 1998, с. 185–187]. Но эти потоки языка (диахронный и синхронный), характеризуя единство языка, всё же расходятся. Следовательно,

история, застывая в определённых формах (мифах, сказаниях, преданиях), имеет свои инструменты воздействия на психику человека. Таким инструментом является язык. Хотя Леви-Строс считает, что именно миф в равной мере объясняет как прошлое, так и настоящее и будущее [*Леви-Строс*, 1985, с. 186], видимо, всё же за этим скрывается недостаточно уважительное отношение к феноменологии. Миф можно сложить для будущего, но его не существует в самом будущем, он будущее не детерминирует и направлен только на прошлое. В этом его принципиальное отличие от экзистенции.

Леви-Строс подводит нас к тому, что миф определённым образом синхронизирует язык, как бы задаёт характерный ритм его звучания. Это надстроечное «дыхание» языка не воспринималось классическим мышлением как свойство языка, а воспринималось как независимое явление, знание которого присуще только самым продвинутым жрецам или религиозным деятелям. Язык дышит, и это дыхание есть миф. Видимо, это пытались донести до нас ведийские тексты, идущие от вечности (от Абсолюта). Об этом говорит и Библия: в начале было слово, и слово был Бог.

Структурирование мифа и музыки. Изменённое состояние мифологического мышления в концепции Леви-Строса

Удивительным и может важнейшим свойством мышления является его возможность созидать музыку, в которой сложным образом переплелись все временные потоки. Ведь музыка – это воспоминание о будущем, обращённое к прошлому, структурирование будущего, создание нового образца для его прочтения. Эта сложная техника дления во времени звуков, фактически, является одним из важнейших источников понимания антропологии времени.

Миф, кроме момента своего рождения, – это воспоминание о прошлом, построенное посредством структурных оппозиций (однако в момент рождения он, как и музыка, был представлением о будущем, инструментом единения прошлого, настоящего и будущего). Опираясь на прошлое, миф преобразует настоящее, но создан для будущего, тем самым, практически, объединяет все временные потоки. Именно поэтому в эпоху становления мантр, когда мир открывался как нечто цельное, миф и музыка практически совпадали. Произнося «ом», древний индус считал, что сливался с бытием мира, и в этом смысле является его творцом.

Несомненная заслуга Леви-Строса в том и состоит, что он увидел миф не как статическое традиционное образование, которое сковывало рациональную культуру своей архаичностью, а как изменяющееся во времени образование, устроенное по типу порождения и преемственности. Миф оказался устроенным буквально по тому же принципу, что и язык. Классическая культура исходила только из синхронического их прочтения, неклассическая культура обнаружила не только историю, но и диахронию. Леви-Строс считал, что за всей совокупностью значений мифов стоит нечто такое, что высвечивает особенности бытия человека. «Когда спрашивают, к какому предельному смысловому содержанию слова отсылают нас эти указывающие друг на друга значения <...>, то единственный ответ <...> состоит в том, что мифы указывают на дух, создающий их при содействии мифа, частью которого является и он сам» [*Леви-Строс*, 2006, с. 323]. В таком случае именно дух как объединяющее человеческое начало порождает миф, а миф, как следствие, как сгенерированное начало, включает дух. Порождённое человеком мифическое начало через всю исто-

рию проносит образ творения мира (в мифе), и в таком контексте – образ творца.

Удивительно и то, что картезианская модель самосознания является вторичной по сравнению с архаичной моделью Леви-Строса: она может быть лишь следствием какой-то первичной (уже сформированной) разметки сознания, тогда как мифологическое сознание является первичным самоконституирующим способом разметки в соответствии с изначальным архаичным видением мира. Леви-Строс уверен, что у него речь идёт о первичной форме мышления, которую можно назвать «архаичной» не только в историческом аспекте, но и в сущностном, что раскрывается в архаике древнегреческого слова *αρχη* – «начало», «исток», «основа». Первичное мышление реализуется, прежде всего, в форме мифа. Такие первичные формы мышления традиционно называются мифологическими [Леви-Строс, 2000]. Именно на основе этих первичных форм в дальнейшем, по его мнению, формируется язык и сознание.

Прошлое, хотя и включено в настоящее сознания, – закрытая для него тема, ибо, несмотря на непрерывность потоков сознания и времени, существует определённый разрыв между прошлым и настоящим. Можно ли преодолеть этот разрыв? Миф, религия и вера способны привести сознание в изменённую форму, в которой все скрытые энергии пробуждаются.

Экзистенциальное и мифическое прочтение человека принципиально расходятся. Лишь во второй половине XX в. попытки исследования влияния на человеческую психику ЛСД и других наркотических препаратов привели С. Грофа к обнаружению скрытых латентных состояний психики, что, собственно, позволило обнаружить, с одной стороны, точки соприкосновения магии и экзистенциализма, а с другой – сущность изменённого состояния сознания. Выяснилось, что химические воздействия изнутри и психические извне, по сути, схожим образом нарушают человеческую психику, определённым образом переформатируют её, тем самым влияя на состояния человека и определённым образом на его судьбу. Это же подтверждают внешние наркотические воздействия на психику человека индейцев в учении Толтеков, которые анализируются Кастанедой. О том же свидетельствуют рекомендации ведических текстов для связи с Абсолютом, которые также указывают на необходимость поиска неких наркотических препаратов Сомы в дикой природе, обостряющих восприятие мира и раскрывающих путь к духовному прозрению. Таким образом, волшебные рецепты перехода к изменённому состоянию сознания были известны как древним индусам, так и современным индейцам Центральной Америки. Европейской науке понадобилось более двух тысяч лет, чтобы прийти к древним ведическим знаниям экспериментальным путем, ибо христианская церковь запрещала какой бы то ни было эксперимент над духовными состояниями человека. Вагнеровская и ницшеанская «смерть богов» – это прорыв через этот запрет к сверхчеловеку с изменённым состоянием воли и сознания. Богочеловек и Богочеловечество Вл. Соловьёва – также поиск неких промежуточных состояний приближения человека к божественной энергии.

Изменённое состояние сознания позволяет преодолеть разрыв прошлого и настоящего; оно включает прошлое как ресурс настоящего, тот ресурс, благодаря которому человек может воспроизводить в сознании далекое прошлое, заложенное на индивидуальном уровне и на уровне архетипов. Можно ли прояснить то, что происходит с психикой человека в изменённых состояниях? Восточные представления по этой проблеме указывают путь перехода к таким изменённым состояниям (в частности, к нирване), но ничего не говорят о сущно-

сти этих состояний. Представители европейской науки вплотную подошли к естественнонаучному объяснению этих состояний, пытаясь описать симптомы и поведение человека в изменённых состояниях сознания, психики и генотипа человека, но это никак не указывает на непосредственное решение проблемы конкретного человека. Определённые сдвиги в решении сложной задачи понимания человеческой психики сделали структуралисты (прежде всего, Леви-Строс и Лакан) и постструктуралисты (Делёз и Бодрийяр).

Если мы обратимся к энергетическим опытам Н. Теслы (по накоплению энергии) в электро-магнитных полях, то можно предположить, что они, по сути, применимы и к самому человеку; это даёт ему возможность, с одной стороны, создавать значительные энергии, с другой – трансформировать своё бытие в диахронно-синхроническом, и как следствие, в пространственно-временном топосах. Человек, в рамках такого подхода, – это психический механизм, способный не только аккумулировать, но и импульсно значительно усиливать свою энергию. Конечно, пока не совсем ясно, какая энергия позволяет провести такого рода трансляции, хотя можно предположить, что это разновидности психической энергии (нейронные связи основаны на электро-магнетизме). Но такая версия (гипотеза) имеет право на существование уже потому, что она проверяема, ведь происходящие в таких состояниях изменения человек может зафиксировать, распознать и отразить в своей памяти, а затем воспроизвести (тем более, уже есть приборы, способные фиксировать такие изменения).

Мы также предполагаем, что миф, язык, культура и общество есть такие фундаментальные «образования», которые имеют структурные диахронно-синхронические особенности, которые может зафиксировать человек в своем измерении и как синхронические, и как диахронические, и как диахронно-синхронические образования. Более того, эти изменения способны приводить человека в особые состояния его бытия, когда изменяется событийность, то есть к изменённым состояниям сознания.

Наша гипотеза выдвигается ещё и потому, что она позволяет объяснить те маргинальные особенности, которые проявляются у людей с особыми энергетическими способностями (экстрасенсов, гипнотезеров и т. д.) или, наоборот, у людей, погружённых в гипнотические состояния, в которых просыпается (изменяется) психика.

Общий вывод

В рамках такой новой интерпретации предложенной гипотезы речь может идти о сущности пространственно-временного «топоса» (положения или места человека, о привязке к которому (о рождении в котором) говорили буддисты) и его расхождении с другим топосом (измерением), которое (с учётом его привязки к мышлению и психике человека) лучше назвать диахронно-синхроническим (диахронно-синхроническим «топосом»).

Мы предполагаем, что синхронический и диахронический срезы бытия человека являются лишь формами фиксации (или «стабилизации») существования человека в каком-то более сложном многообразии (большего числа измерений), чем наш привычный трёхмерный (пространственный) мир, жёстко фиксированный во времени. Там, где есть жёсткая привязка сознания к стреле времени, полностью закрыты трансляции в диахронно-синхроническом топосе.

Итак, повторимся, если в диахронно-синхроническом «топосе» провести условную ось, по которой пересекаются синхронический и диахронический

срезы бытия «образования», способного генерировать энергию (прежде всего, самого человека), то мы можем предположить, что существуют какие-то механизмы, которые попросту фиксируют устойчивость бытия «топоса» (относительно диахронно-синхронической оси) и связаны с инвариантностью трансляций вокруг неё в некотором измерении, позволяющем жёстко фиксировать все трансляции. Язык в таком смысле способен лишь указывать путь к раскрытию энергии слова, но сам по себе, являясь носителем энергии, не способен её разворачивать в пространственно-временном континууме. Это свойство присуще только живым существам.

Итак, в определённом приближении фиксация устойчивости диахронно-синхронического топоса характеризует устойчивость бытия «образования» в пространственно-временном континууме. Эта устойчивость связана с фиксацией оси одновременно в обеих указанных «топосах». Расхождение «топосов», точнее, сдвиг одного из них относительно другого ведёт к серьёзным внутренним трансформациям бытия самого человека, но практически никак не сказывается на бытии внешнего измерения.

Последовательно развивая гипотезу, можно положить, что существуют энергии, позволяющие осуществлять трансляции вокруг исследуемой оси (которая в том месте, где совпадают пространственно-временное и диахронно-синхроническое измерения, жёстко фиксирована). В рассматриваемом случае мы сможем наблюдать феномен сдвига диахронно-синхронического измерения относительно пространственно-временного (типа стрелки магнита). Если предположить, что энергия является достаточной для такого рода трансляций, то может произойти поворот вокруг незримой оси, зафиксированной первоначально только на психическом уровне (как сбой в гироскопичности бытия человека, нарушающий устойчивость в пространственно-временном измерении).

Предложенная антропология времени радикально меняет представление о бытии человека. Но в физическом смысле наличие таких трансляций ничего не запрещает (ведь это только трансляции собственного «топоса» человека). Человек всегда находится в своем топосе-месте, а изменяется лишь его пространственно-временное положение в другом измерении. Наша гипотеза, по сути, указывает на наличие другого более сложного измерения, в котором возможны пространственно-временные трансляции человека, разрывающие привычное пространственно-временное бытие.

Парадокс современной ситуации понимания психики, исходя из предложенной гипотезы, состоит в том, что настоящее так же недостижимо, как прошлое и будущее. Ибо в том месте («топосе»), где оно (настоящее) может быть распознано (считано), проходит ось пересечения диахронного и синхронического измерений (при этом мы помним, что удел всех наук – это бытие в сознании). Но такая ось постоянно ускользает от нашего сознания, так как мы не можем одновременно зафиксировать и синхронический, и диахронический срезы сознания (что-то типа принципа неопределённостей Гейзенберга, кстати, так же завязанного на физические представления о пространстве и времени). Таким образом, все науки, а также логика и метафизика являются лишь условиями бытия такой формы нашего сознания, когда желаемое выдаётся за действительное. Фактически же, и логика, и науки, и метафизика существуют лишь в области расширений разума, который всегда жёстко привязан к настоящему (условно фиксируемому в диахронно-синхроническом топосе). Нам хочется думать, что действия разума всегда правомочны, но они правомочны лишь в идеальной (вневременной) области, где царствует логика и каузаль-

ность. И это величайшее заблуждение всей классической культуры. Это в своих антиномиях попытался растолковать ещё Кант, трансцендентальный мир которого буквально соответствует логическим расширениям чувственного, рассудочного и разумного. Кант разъяснял, что человек постоянно смешивает в своём мышлении существование этих трех областей. Человек – существо несовершенное; вернее, в том месте, где он может быть действительным и совершенным, он таковым не является; он не может, как боги, одновременно фиксировать оба среза бытия (диахронный и синхронический). Однако если ему (человеку) удаётся порвать со своей привязанностью к разуму (несовершенному, лишь кажущемуся идеальным бытию сознания), то есть попасть в области «изменённого состояния сознания», то там такая возможность появляется. Видимо, в этом же месте (топосе) обитает то, что мы называем душой. Здесь и возможны трансляции (сдвиги) вокруг оси диахронно-синхронического топоса, но в этом же месте человек приобретает мудрость (а не разум), знание не временное, а абсолютное, то, которое присуще одновременно и синхронии, и диахронии, одинаково инвариантное относительно пространственно-временных и диахронно-синхронических трансляций. Такое знание поистине абсолютно и является истинным.

Исторический мир как бы стекается к моему настоящему (к моему мыслящему сознанию), и я, пытаясь усмотреть свою самоидентификацию через различные срезы исторического сознания, фиксирую лишь самоидентифицированность (мою цельность) в настоящем, и уже её расширяю на видимую историю и на схваченный пространственно-временной континуум (этот механизм я и называю логикой, а в более абстрактной перспективе, захватывая как можно более широкий интервал настоящего, опытом или наукой). Математика также является искусством схватывания (форм) настоящего, и чем более тонкий интервал настоящего схватывается, тем точнее математические формулы. Поэтому высшая математика – это предельный уровень схватывания интервала настоящего (практически, точки).

Таким образом, в области антропологии времени (его же можно назвать антропологией мышления или антропологией сознания) само существование человека (по сути, в соответствии с ОТО А. Эйнштейна) можно разбить на две сферы – высокоэнергетическую (сопровождающуюся изменённым состоянием сознания и времени) и низкоэнергетическую (разумную или физическую, подчиненную жёсткому соответствию причинно-следственных отношений, нарушить которые невозможно, так как здесь царит причинно-обусловленный закон). В эту концепцию вписывается и классическая европейская традиция, которую условно можно назвать разумно-ориентированной, и восточная – ориентированная на модель изменённых состояний психики (на модель кармического сознания), в рамках которой человек, проявляя большие энергии, практически трансформирует своё состояние бытия. В эту последнюю модель хорошо вписываются такие известные в неклассической культуре явления, как нарушения (или изменения) человеческой психики, изменённое состояние сознания, психоаналитические расстройства, включающие шизоидальные и параноидальные, экстрасенсорика, гипноз (сюда же можно добавить изменённое состояние времени) и т. п., которые в рамках обычной физической модели психики объяснить не удаётся. Более того, изменённое состояние времени, по сути, объясняет сложные нарушения бытия человека, и, в то же время, сложные нарушения физического мира, связанные с проявлением больших энергий (нейтронные звёзды и, прежде всего, чёрные дыры). Как знать, может быть, как раз

эти состояния бытия и человека, и космических объектов смогут дать возможность объяснить энергетический переход от физических тел к проявлениям жизни, ведь в предельном случае и там и тут наблюдаются пространственно-временные (времени-подобные) воронки, изменяющие привычную реальность. Фактически, введение представлений об антропологии времени приводит нас к изучению новых малоизученных высокоэнергетических состояний человека.

Литература

- Бадью, 1999 – Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. – М.–СПб.: Московский философский фонд; Университетская книга, 1999. – 95 с.
- Бадью, 2003 – Бадью А. Манифест философии. – СПб.: Machina, 2003. – 184 с.
- Бадью, 2006 – Бадью А. Этика: Очерк о сознании зла. – СПб., Machina, 2006. – 126 с.
- Бахтин, 2012 – Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе // Собрание сочинений : в 6 т. – М.: Языки славянских культур, 2012. – Т. 3. – С. 340–511.
- Делёз, 1998 – Делёз Ж. Логика смысла // Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 10–440.
- Лакан, 2002 – Лакан Ж. Семинары : в 26 т. – М.: Гнозис; Логос, 2002. – 608 с.
- Левин-Строс, 2006 – Левин-Строс К. Мифологии: Сырое и приготовленное. – М.: ИД «Флюид», 2006.
- Левин-Строс, 2007a – Левин-Строс К. Мифологии: От меда к пеплу. – М.: ИД «Флюид», 2007.
- Левин-Строс, 2007b – Левин-Строс К. Мифологии: Происхождение застольных обычаев. – М.: ИД «Флюид», 2007.
- Левин-Строс, 2007c – Левин-Строс К. Мифологии: Человек голый. – М.: ИД «Флюид», 2007.
- Левин-Строс, 1985 – Левин-Строс К. Структурная антропология. – М.: Глав. ред. восточной лит-ры, 1985.
- Левин-Строс, 2000 – Левин-Строс К. Первісне мислення. – К.: УЦДК, 2000. – 324 с.
- Мамардашвили, 1996 – Мамардашвили М. Необходимость себя. – М.: Лабиринт, 1996. – 432 с.
- Окороков, 2013 – Окороков В.Б. Мышление в диахронно-синхроническом и пространственно-временном топосах (гипотеза Соссюра–Хайдеггера–Левин-Строса) // Философия и космология. 2012. *Philosophy & Cosmology*. Научно-теоретический ежегодник. – К., 2013. – С. 171–193.
- Пропп, 1946 – Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1946.
- Соссюр, 1998 – Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Логос, 1998. – 296 с.
- Хайдеггер, 2007 – Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – СПб.: Наука, 2007. – С. 541–563.
- Хайдеггер, 2006a – Хайдеггер М. Бытие и время. – СПб.: Наука, 2006. – 452 с.
- Хайдеггер, 2006b – Хайдеггер М. Что зовется мышлением. – М.: Территория будущего, 2006. – 320 с.
- Якобсон, 1985 – Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985.

References

- Badiou A. *Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma* [Saint Paul: The Foundation of Universalism]. – Moscow – Saint-Petersburg, 1999.
- Badiou A. *Manifest filosofii* [Manifesto for Philosophy]. – Saint-Petersburg, 2003.
- Badiou A. *Jetika: Oчерk o soznanii zla* [Ethics: An Essay on the Understanding of Evil]. – Saint-Petersburg, 2006.
- Bakhtin M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel] // *Sobraniye sochineniy* [Works]. – Moscow, 2012. – Vol. 3. – Pp. 340–511.

-
- Deleuze G. Logika smysla // Deleuze G. Logika smysla [The logic of sense] / Foucault M. Theatrum philosophicum. – Moscow, 1998. – Pp. 10–440.*
- Lacan J. Seminary [The Seminar] / in 26 vol. – M., 2002.*
- Levi-Strauss C. Mifologiki: Syroye i prigotovlennoye [The Raw and the Cooked]. – Moscow, 2006.*
- Levi-Strauss C. Mifologiki: Ot meda k peplu [From Honey to Ashes]. – Moscow, 2007.*
- Levi-Strauss C. Mifologiki: Proiskhozhdeniye zastol'nykh obychayev [The Origin of Table Manners]. – Moscow, 2007.*
- Levi-Strauss C. Mifologiki: Chelovek golyy [The Naked Man]. – Moscow, 2007.*
- Levi-Strauss C. Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology]. – Moscow, 1985.*
- Levi-Strauss C. Pervísne mislennyya [The Savage Mind]. – Kiev, 2000.*
- Mamardashvili M. Neobhodimost' sebja [Need of self]. – Moscow, 1996.*
- Okorokov V.B. Thinking in diachronic-synchronic and spatial and time toposes (Hypothesis of Saussure, Heidegger, Levi-Strauss) // Philosophy & Cosmology. The Academic Yearbook of Philosophy and Science. – Kiev, 2013. – Pp. 171–193.*
- Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Historical roots of the magic fairy tale]. – Leningrad, 1946.*
- Saussure F. de. Kurs obshchey lingvistiki [Course in General Linguistics]. – Moscow, 1998. – 296 s.*
- Heidegger M. Bytiye i vremya [Being and Time]. – Saint Petersburg, 2006. – 452 s.*
- Heidegger M. Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya [Time and Being]. – Saint Petersburg, 2007.*
- Heidegger M. Chto zovetsya myshleniyem [What is called thinking?]. – Moscow, 2006.*
- Jakobson R. Izbrannyye raboty [Selected Works]. – Moscow, 1985.*

